

тическим деятелем, противником митрополита и Москвы. Его уход с кафедры в 1316 г., вероятно, был следствием действий Петра. И если действительно «еретик «Сказания» — Андрей, то это лишний штрих в той отрицательной характеристике, которую дал тверскому епископу неизвестный москвич.

Итак, «Сказание» совершенно недвусмысленно осуждает двух видных деятелей первой четверти XIV в. — Геронтия и Андрея. Но осуждая их, «Сказание» бросает густую тень на тверских князей, чью политику проводили оба церковника.

Интересно проследить, как показаны в московском памятнике сами тверские князья. Их титулы не умаляются, они названы великими князьями, прямые выпады против Твери отсутствуют. Такое внешне лояльное отношение к тверским князьям весьма характерно. «Сказание» было написано в период великого княжения Александра Тверского, поставленного золотоордынским ханом, поэтому-то идеолог московского князя и не допускает откровенно-враждебных выпадов против Твери. Но при всем этом замечательно, что тверские князья появляются в «Сказании», чтобы присутствовать на соборах, кончающихся их поражением! Политическая обстановка, в которой писал неизвестный москвич, не позволяла ему резко выступить против Твери, т. е. против великого князя Владимирского, но его «Сказание» содержало достаточно много прозрачных намеков, понятных современникам.

Идеализируя митрополита Петра и Ивана Калиту, подчеркивая дружественное отношение к церковным иерархам и князьям Суздальской земли, осторожно говоря о татарах, намеками критикуя тверских князей, московский идеолог первой трети XIV в. как нельзя лучше передал цели и даже самый дух политики своего князя. Трудно в действиях московских князей указанного периода искать общерусских помыслов. Не найдем мы это и в «Сказании». Вступивший на московский стол в 1325 г. Калита стремился прежде всего получить великое княжение Владимирское, а для этого надо было одержать верх над Александром Тверским. Последней цели служили военные союзы Калиты, его тесные связи с церковью, различные мероприятия идеологического характера. Первые московские идеологи защищали свои, чисто московские интересы, связывая их с интересами других княжеств постольку, поскольку последние совпадали с видами их князя. В роли передовой носительницы общерусских идей Москва выступила позднее, когда она действительно стала собирательницей русских земель, когда начало складываться Русское централизованное государство
